

22.06.94

Надежда Грачева в политике не танцует

Известие. - 1994. - № 116. - С. 7

Георгий МЕЛИКЯНЦ, «Известия»

Все чаще слышим мы это имя — Надежда Грачева — в ряду самых известных людей российской сцены. В ее судьбе сплелись случайность и закономерность, напряженный труд и везение, привычное и необыкновенное.

— Надя, вы первой получили высшии в балете приз «Бенуа». Это было два года назад. Недавно вам присвоили звание заслуженной артистки России. «Бенуа» — признание професионалов, «засл. арт.» — признание правительства. Раньше звания влияли на зарплату артистов. А теперь?

— Конечно, приз, звание — приятно. Но я нечувствую в себе никаких изменений. Главное, чтобы не изменилось отношение зрителя ко мне, а это зависит только от меня самой. Что касается зарплаты, то нам платят по присвоенной категории (контрактной системы в Большом театре пока нет). У меня категория «ведущий солист», как и у некоторых других балерин Большого, и получаем мы одинаково.

— Вы прима-балерина, но ведь вы — молодая артистка...

— Именно потому, что я отдаю отчет в своей молодости, мне интереснее разговаривать с людьми старше себя. Меня просто тянет к зрелым людям. У меня и муж намного старше меня.

— Что значит: «намного»?

— Мне 24, а ему 31.

— Это и есть «намного»! Он тоже артист?

— Нет, врач. Хирург-офтальмолог. Работает со Святославом Николаевичем Федоровым.

— Муж — ваш поклонник или критик?

— Галина Сергеевна Уланова, мой постоянный педагог-репетитор (мне очень повезло!) говорит со мной профессионально, на языке балета. А мой муж после спектакля задает мне вопросы, возникающие у неискушенного человека.

— Если я спрошу, какая роль у вас самая любимая, вы, наверное, ответите: все. Но есть какая-то одна...

— «Баядерка». Спектакль очень сложный и физически, и технически. Я люблю эту роль также за то, что в ней есть что-то мое, моей души, она помогает мне искать в себе и находить всякий раз новые эмоции. Может быть, еще и потому, что это мое первое участие в премьере нового спектакля в Большом театре. Мне интересна Ники как образ, не похожий ни на что другое. Я люблю свою героиню. Танцуя практически все балеты в Большом театре, но «Баядерку» готова танцевать каждый день днем и ночью.

— Однажды я спросил Нурину, какой балет самый его любимый. Он тоже ответил: «Баядерка»...

— К тому же работа над ролью была чрезвычайно интересной. Юрий Николаевич Григорович советовался со мной, знаете, как важно, что постановщик интересуется мнением балерины?

— Григорович интересуется мнением артистов! Говорят, он диктатор, тиран!

— Любой из известных театров построен его главным режиссером и тесно связан с его же характером. Примеры — Охлопков, Товstonогов, Плучек, Марк Захаров... Что, они все — мягокательные либералы, заигрывающие интриганы? Кто хоть сколько-нибудь знает мир театра, вспомнит десятки эпизодов, когда в ответственный момент жизни труппы, театра все решалось волей и твердостью главного режиссера. Ведь труппа — это сложнейшая, чрезвычайно конфликтная и слабо управляемая система, состоящая из большого числа талантов и звезд, — со своим мнением, с честолюбием, часто не удовлетворенным. Роль лидера в этой системе, на мой взгляд, не выдержать без жесткого проведения.

— Как-то мы говорили с вами о нашумевшем конфликте

ния своего курса. Другое дело, что на роль лидеров часто претендуют не имеющие на то права — тогда и возникают постыдные для театров конфликты, которые, как мне кажется, убивают труппу, имя и честь театра.

Что касается моего мнения о Ю. Н. Григоровиче... Любой может упрекнуть меня: «Она же танцует у него, можно ли ждать от нее объективности?» Тем не менее, скажу. Я не знаю на сегодняшний день балетмейстера, по силе равного Григоровичу.

Впервые почувствовала эту силу,

когда работала над ролью в «Каменном цветке».

Помните, там огромное количество сложных поддержек, вращений, прыжков, выявляющих характер Хозяек Медной горы. Я этот характер не могла найти, и Марина Владимировна Кондратьева сказала: «Попросим прийти Григоровича».

Через час все стало получаться, все прошло. Так же было и с «Баядеркой». Мы обсуждали истоки, нюансы образа, картины балета. Вряд ли диктор заинтересуется кем-то, тем более — последует мнению подвластных...

— Вы в Большом шестой год. На каких сценах вы выступали еще?

— В Парижской опере, Концерт-гардене, Альберт-холле. В Токио и еще в 17 городах Японии. В Италии, Новой Зеландии, Аргентине, Австралии, в США — Хьюстоне (там я была с сольными концертами)...

— Однажды вы танцевали в Лондоне по приглашению королевы Елизаветы II...

— Был концерт в театре «Доминион», посвященный рождественским праздникам, типа наших правительственные концертов.

Участвовали в нем многие, включая Пavarotti и Монсеррат Кабалье. От России был балет. С Юрием Клевцовом мы выступили в па-де-де из «Корсара».

— Как-то мы говорили с вами о нашемешившем конфликте

с Гедиминасом Таандой. Вы сказали, что дело артиста — заниматься искусством и что вы не любите конфликты и никогда не принимаете в них участия. Тем не менее, жизнь есть жизнь, события, происходящие в коллективе, не могут не влиять на вас.

— Согласна. Но для себя я этот вопрос решила четко. В любом театре есть разные поколения — молодое, среднее, старшее. У каждого — свои мнения, свои принципы, каждое мыслит по-своему. И сколько ни перебудждай, каждое все равно будет думать по-своему и разрешать проблемы тоже по-своему. Вмешиваться в конфликты внутри поколений или между поколениями по меньшей мере самонадеянно. Я не могу выступать в роли судьи вообще. И это не бегство от жизни, просто я так воспитана. Свои личные проблемы я пытаюсь решать сама. Если обращаются с просьбой — стараюсь помочь.

— Но есть общие проблемы. Я заметила: когда в Большом возникает личный конфликт, его участники и добровольные арбитры представляют дело обязательно как конфликт творческий: вот, мол, застойный театр, хочется свежего воздуха...

— Тем не менее, не исключено, что у кого-то могут возникнуть неудовлетворенность, свои творческие планы.

Лично вас сегодняшнее направление Большого театра

устраивает?

— Я родилась в Семипалатинске...

— Опасное место...

— ...училась в хореографическом училище в Алма-Ате, но всегда мечтала о Большом. Мне казалось, что если данный театр — хороший, то именно своей неизменностью. Стиль Большого театра сознательно является продолжением классических традиций. Новые поколения привносят даже в известные спектакли, в очень известные партии что-то свое, но при этом сохраняется главное, что характерно для данного спектакля и данной роли. Сейчас у нас много молодых балерин — назову хотя бы Инну Петрову, Галину Степаненко, — но несмотря на индивидуальность каждой, на переосмысление отдельных частей того или иного спектакля, мы стараемся сохранить его устоявшийся образ.

— На недавнем вечере по случаю вручения приза «Бенуа» явно бросилось в глаза: наши артисты танцевали так называемый классический балет, а зарубежные — так называемый современный.

— Ну и что? В балете — различные школы, и русская школа — одна из самых сильных, недаром к нам приезжает так много стажеров из-за рубежа.

— Но многие из артистов Большого, работающие сегодня за границей, говорят, что причиной их отъезда является желание танцевать нечто другое, чем то, что они танцевали дома.

— В мире много театров, надо выбрать для себя тот, который по душе. Если артист хочет танцевать что-то свое, другое, ему никто не может в этом помешать. Мне, например, давно хотелось становиться в «Дон-Кихоте». В Большом он не идет.

— Тем не менее я его уже станицала. На сцене Белградского театра. Это мое третье выступление в Югославии за последние два года.

— Не боитесь?

— Не боюсь. Там, кстати, меня наградили медалью, которую дают за помощь в трудное время. Они также присвоили мне звание примы-балерины Белградского театра оперы и балета. Мне нравится этот театр, его труппа. Но Большой — это Большой. Почему он должен кому-то подражать? Его лицо должно оставаться таким, каким оно

сложилось при Петипа, Голейзовском, Лавровском, Григоровиче, независимо от того, какое поколение артистов в нем работает — пятое, десятое или пятнадцатое. Между прочим, никто не требует, чтобы изменился театр «Ла Скала»... Стиль Большого театра прививается детям с девяти лет, когда они начинают учиться в училище этого театра. Они видят его спектакли, затем начинают в нем работать — *зачем же все это менять?*

— Как вы решаете для себя проблему партнера?

— Я танцую и с Ветровым, и с Уваровым, Клевцовыми, Пороховым, Васюченко. Если еду в другой театр, танцую с их артистами. Когда партнер постоянный, мы быстрее понимаем друг друга. Минус — то, что появляется привыканье. Новый же партнер и дает что-то новое, привносит новые краски: так работать даже интереснее.

— Все мы живем в обществе. Происходит много такого, что не может не отражаться на вашем настроении, делах, убеждениях...

— У меня слишком мало свободного времени. Телевизор я могу смотреть только после спектакля, да и то, если не падаю с ног. Но газеты читаю... Не могу сказать, что политика сильно занимает меня. Ни на одном митинге я, понятно, не была и желания такого не испытываю.

— Но есть ли у вас какие-то политические предпочтения? Не случайно людям интересно, что и как думают Окуджава, Залыгин, Рязанов. Кому-то ближе Проханов или Чув. Это имеет значение при выборе личной позиции, точки зрения.

— Думаю, что мнение балерина не в состоянии оказать какое-либо влияние, что-либо исправить в сегодняшнем мире. Но очень хочется, чтобы все у нас успокоилось.

Фото Александра КОНЬКОВА.